

МҮҚАҮІСӘЛІ НҮҚУҚ

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Игорь Шувалов*

Резюме

Статья посвящена анализу источников, содержания, перспектив частного правового регулирования инновационной деятельности в российском праве. Показана значимость гражданского законодательства в регулировании инновационной деятельности как инструмента регулирования отношений между государством, инвесторами и разработчиками инноваций. Рассмотрен комплекс взаимосвязанных вопросов о соотношении расходных материалов для сложного технологического изделия с составными компонентами неделимой вещи, значимости норм о переработке вещи (ст. 220 ГК РФ) для инновационной деятельности.

В статье также уделено внимание системе и структуре законодательства об инновационной деятельности. Указано на большое количество актов федерального уровня, регулирующих отношения по созданию, внедрению и стимулированию инновационной деятельности, при этом инновационная деятельность регулируется ими «попутно» – непосредственным предметом регулирования таких актов является не инновационная деятельность, но наука в целом, промышленная политика, интеллектуальная собственность и т.д. Весьма показателен перечень федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в области государственной поддержки инноваций, в него входят практически все федеральные органы исполнительной власти всех уровней. В связи с этим сделан вывод о необходимости ревизии положений действующего законодательства об инновационной деятельности, об устранении избыточного правового регулирования.

Ключевые слова: инновация, переработка, наука, интеллектуальная собственность, неделимая вещь, сложная вещь

Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [9] в качестве одной из стратегических задач назвала «обеспечение открытости национальной инновационной системы и экономики, а также интеграции России в мировые процессы создания и использования нововведений».

Между тем действующее законодательство, регулирующее инновационную деятельность в Российской Федерации, не кодифицировано. Роль инструментов правового регулирования в ней выполняют акты совершенно разной отраслевой направленности. В результате, как отмечает Р.А.Курбанов, предполагаемая система взаимодействия государственной власти, инвесторов и субъектов инновационной деятельности осталась на практике

* кандидат юридических наук, председатель Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ»

простой суммой частных, так и не став системой в полном смысле этого слова [4].

Неудивительно в связи с этим возникновение идеи о формировании особой отрасли права - инновационного права [2]. Представляется возможным выделить несколько «точек роста» правового регулирования отношений в сфере инноваций. Это, прежде всего, законодательство, регулирующее отношения в сфере промышленности, науки и техники, гражданское законодательство и законодательство об интеллектуальной собственности.

В числе нормативных правовых актов, затрагивающих инновационную деятельность, можно назвать Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [14], постановление Правительства РФ от 16.11.2012 № 1172 «О полномочиях федеральных органов исполнительной власти в области государственной поддержки инновационной деятельности» [12]; Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [13]; Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре "Сколково"» [11] и Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [15]. Существенную роль играет и законодательство об интеллектуальной собственности, основанное, прежде всего, на положениях части IV ГК РФ.

Основное значение в инновационной экономике имеют малые и средние предприятия. Действуя в условиях жесткой конкуренции с крупными компаниями, они более мотивированы на создание новых продуктов и инновационных технологий. Их правовой статус также подлежит правовому регулированию.

В Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» закреплён ряд требований к юридическим лицам, претендующим на статус субъектов малого предпринимательства. Так, часть 1.1 ст. 4 данного федерального закона фактически исключила из числа субъектов малого и среднего предпринимательства такие коммерческие организации, как государственные и казенные предприятия. Также из сферы потенциальных субъектов малого и среднего предпринимательства этим нормативным актом исключены все виды учреждений (в т.ч. частные), не говоря уже об органах государственной власти и местного самоуправления, государственных корпорациях и государственных компаниях. Также из сферы действия данного федерального закона исключены простые товарищества, включая инвестиционные товарищества. Напротив, крестьянские (фермерские) хозяйства - К(Ф)Х, которые могут существовать как в форме юридического лица, так и без его учреждения [3, с.136], могут претендовать на получение статуса субъектов

малого и среднего предпринимательства. К их числу могут быть отнесены индивидуальные предприниматели.

Для хозяйственных обществ, товариществ и хозяйственных партнерств [5, с.72] для наделения их правовым статусом субъектов малого и среднего предпринимательства применяются следующие требования – акции АО должны обращаться на организованном рынке ценных бумаг и относиться к акциям высокотехнологичного (инновационного) сектора экономики либо их деятельность должна представлять собой практическое применение (внедрение) результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат акционерам (учредителям, участникам) этих хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств. При этом акционеры должны являться научными учреждениями - бюджетными или автономными либо организациями высшего образования. Статус субъектов малого и среднего предпринимательства могут получить участники проекта согласно Федеральному закону «Об инновационном центре «Сколково» либо хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, учредителями (участниками) которых являются юридические лица из Перечня, утвержденного распоряжением Правительства РФ от 25.07.2015 №1459-р, где перечислены юридические лица, предоставляющие господдержку инновационной деятельности.

Сведения о таких акционерных обществах представляются в ФНС России «ФБ ММВБ», Минобрнауки России, Фондом «Сколково» и Минэкономразвития России.

Следующий значимый блок инструментов правового регулирования образуют Федеральные законы «О промышленной политике в Российской Федерации» и «О науке и государственной научно-технической политике».

Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» содержит ряд определений, активно используемых в обиходе, законодательстве, других официальных документах: промышленное производство; отрасль промышленности; промышленная продукция (в т.ч. продукция, не имеющая произведенных в России аналогов) и инфраструктура; индустриальный (промышленный) парк; промышленный технопарк; промышленный кластер; инжиниринговый центр. В данном нормативном акте даны юридические понятия промышленной и технологической инфраструктуры, технологии и единого технологического процесса. Сформулированы цели промышленной политики и ее задачи, разграничены полномочия органов государственной власти и местного самоуправления.

Федеральный закон от 23.10.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» и Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяют правовой статус образовательных учреждений. В соответствии с положениями ст. 66 ГК РФ учреждения могут быть участниками хозяй-

ственных обществ и вкладчиками в товариществах на вере с разрешения собственника имущества учреждения, если иное не установлено законом. Законом может быть запрещено или ограничено участие отдельных категорий лиц в хозяйственных товариществах и обществах.

ГК РФ внес значимый вклад в правовое регулирование инновационной деятельности, отнеся в новой редакции ст. 128 к категории имущественных прав такие, в частности, категории активов, как цифровые права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), и провозгласив в ст. 129 принцип свободы их оборота в рамках, определенных законом.

В состав такого объекта гражданских прав, как предприятие (ст. 132 ГК РФ) включены все виды имущества, предназначенные для его деятельности, в т.ч. его продукция, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания) и исключительные права.

Впрочем, нельзя не отметить крайне слабую распространенность купли-продажи предприятия как формы смены собственника.

Очевидное влияние на инновационное развитие оказывают и положения ГК РФ о составных вещах - невозможность фактического разделения вещи без разрушения, изменения ее назначения означает и юридическую неделимость вещи, даже если фактически она может быть разделена на составные части, замена которых не несет возникновения новой вещи при условии сохранения ее существенных свойств (ч.1 ст. 133 ГК РФ).

Например, достаточно сложно разграничить расходные материалы к сложному технологическому изделию медицинской техники и составные компоненты неделимой вещи. В одном из своих решений Челябинский УФАС отказался отождествить расходные материалы и составные части неделимой вещи.

К неделимым вещам отнесен и единый недвижимый комплекс вещей, в т.ч. расположенных на разных (и не обязательно соседних) земельных участках при условии государственной регистрации права собственности на них как на одну вещь. Сложную вещь образуют различные вещи, соединенные для целей использования по общему назначению, тогда как объекты гражданских прав, сконструированные по модели «главная вещь-принадлежность», предполагают обслуживающий, априори несамостоятельный характер принадлежности. Трансформаторную подстанцию Курское УФАС квалифицировало в качестве сложной вещи в составе помещения, собственно трансформаторов, иного оборудования [6], несмотря на очевидно самостоятельный характер помещения и иного оборудования по отношению к собственно трансформаторам. Суд по интеллектуальным правам разделил понятие вещи и товара, указав, что неделимая вещь может составлять несколько отдельных товаров, поэтому признание контра-

фактными и уничтожение ключей и замков зажигания, притом что на последних воспроизведение спорных товарных знаков отсутствовало, соответствует требованиям гражданского законодательства [7].

В ст. 136 ГК РФ содержится презумпция права собственности собственника вещи на плоды, продукцию и доходы от ее использования безотносительно того, получены они в результате усилий собственника или иного лица (пользователя вещи). Это правило может быть изменено как законодателем, так и договором между собственником и обладателем иных прав на вещь или не вытекает из существа отношений. Так, ГК РФ в ч. 1 ст. 218 указывает на приобретение права собственности на вещь лицом, создавшим ее для себя, если она получена не в результате использования чужого имущества.

Широкая трактовка разработчиками Федерального закона «О науке» понятия «инновационной деятельности» позволяет говорить о том, что переработка вещей, которой посвящена ст. 220 ГК РФ, предполагает инновационную деятельность (что, разумеется, не совсем корректно с точки зрения здравого смысла, т.к. переработка вещи и инновационная деятельность принципиально отличаются).

По мнению Р.С.Бевзенко, при определении принципиального для юридической квалификации процесса в качестве переработки, а также для юридически верного определения собственника вещи по ст. 218 ГК РФ вопроса о создании вещи для себя или иного лица необходимо «вдаваться в изучение экономической подоплеки создания объекта» [1, с.142].

Переработка не принадлежащих обработчику материалов влечет право собственности собственника материалов на полученную в результате их обработки новую движимую вещь, если иное не предусмотрено договором между собственником материалов и лицом, осуществившим переработку.

Кроме того, в любом случае право собственности на возникшую новую вещь переходит к лицу, осуществившему переработку при существенном превышении стоимости переработки стоимости материалов (абз.2 п.1 ст. 220 ГК РФ).

Если же собственник материалов приобрел право собственности на возникшую в результате их переработки вещь, это лицо обязано возместить стоимость ее переработки, а лицо, осуществившее их переработку по приобретении права собственности, - компенсировать собственнику материалов их стоимость.

Данные правила приобретения права собственности на продукт переработки нельзя назвать стабильными, так как они носят диспозитивный характер ввиду прямого указания на это в пунктах 1 и 2 ст. 220 ГК РФ – договором эти правила могут быть изменены на противоположные по смыслу - императивны лишь нормы о приобретении лицом, осуществившим переработку для себя, права собственности на новую вещь при сущес-

твенном превышении стоимости переработки стоимости материалов и о праве собственника материалов требовать передачи результата их переработки в собственность и возмещения убытков при недобросовестности действий переработчика материалов.

Например, Омское УФАС отвергло довод специализированной организации по уничтожению отходов - заявителя жалобы, который, ссылаясь на СанПин 2.1.7.2790-10, указывал, что отходы, образовавшиеся после обезвреживания медицинских отходов класса, Б будут являться собственностью специализированной организации, а не бюджетного медицинского учреждения. Омское УФАС правомерно указало на неприменимость санитарного законодательства к отношениям по переходу права собственности и на применение к ним ст. 220 ГК РФ.

Арбитражные суды сформировали практику отнесения отношений между недропользователем как собственником добываемой нефти и лицом, извлекающим из нее попутный газ, и отношений между собственником произведенного попутного нефтяного газа и лицом, осуществляющим доведение его до состояния пригодного к потреблению (например, одоризация газа) или до состояния пригодности к хозяйственному использованию (например, компрессия газа) к категории переработки в смысле ст. 220 ГК РФ.

Так, Десятый арбитражный апелляционный суд своим постановлением от 25.08.2014. по делу № А41-22020/14 в целях квалификации отношений истца и ответчика в качестве отношений по переработке, регулируемых ст. 220 ГК РФ, возложил на истца бремя доказывания 1) существования между ним и ответчиком договора на переработку и 2) факта передачи материалов ответчику на переработку.

Роль ГК РФ не ограничивается регулированием отношений субъектов инновационной деятельности. ГК РФ и сам содержит правила использования инновационных методов создания гражданских правоотношений. К таковым, прежде всего, относится заключение сделок в электронной форме. Сразу же отметим, что мы считаем преждевременным говорить об электронной форме заключения договора как об отдельной форме договора. Тем не менее трудно отрицать наличие определенных специфических черт электронных договоров.

Во-первых, это дистанционный способ их заключения. Правоотношения сторон возникают на расстоянии в результате использования электронных средств коммуникации. Во-вторых, специфическая форма носителя информации - электронный носитель. В-третьих, необходимость использования особого механизма для идентификации сторон электронного договора - электронной цифровой подписи. Особенно остро вопрос идентификации стороны договора стоит в договорах, заключаемых в электронной форме посредством акцепта оферты конклюдентными действиями при воз-

никновении конфликта воли и волеизъявления. Определение конкретного субъекта, выразившего волю с помощью электронных средств коммуникации, может столкнуться с серьезными трудностями. В-четвертых, специфика определения применимого права при отсутствии волеизъявления сторон. В-пятых, проблема принятия судами электронных документов в качестве допустимых доказательств.

С распространением договоров, заключаемых путем конклюдентных действий, количество договоров присоединения возросло в геометрической прогрессии. Прежде всего, речь идет о договорах, именуемых в зарубежной доктрине «click-wrap». Click-wrap представляет собой договор, заключенный в электронной форме, осуществляющийся путем щелчка мышью по клавише «я согласен». Такой способ заключения договора применяется в различных сферах деятельности. Разумеется, с точки зрения классической теории права, данный способ заключения договора представляется ненадежным, по этой причине в доктрине ведутся многочисленные споры о его юридической силе. Важную роль для положительной судебной практики в вопросе признания договора, заключенного путем акцепта оферты конклюдентными действиями, сыграло дело ProCD Inc. v. Zeidenberg, которое рассматривалось в седьмом окружном суде США. Суд опирался на то обстоятельство, что ответчик по делу предварительно, еще до заключения договора, мог изучить условия лицензионного соглашения, и наряду с этим ему предоставлялась возможность возратить продукт, если он выразит несогласие с поставленными условиями. Суд определил, что в данном случае имело место согласие с выдвигаемыми условиями, а как последствие этого - появление договорных обязательств.

Эта судебная практика легла в основу признания юридической силы электронных договоров click-wrap. Точка зрения судей США по данному вопросу осталась неизменной: условия договоров click-wrap должны признаваться согласованными и действительными, поскольку согласие стороны принять эти условия признается явным выражением волеизъявления лица. Юридическая сила click-wrap впервые была подтверждена в деле Hotmail Corp. v. Vans Money Pie Inc. и в деле Caspi v. Microsoft Network [16], после чего юридическая сила click-wrap соглашений перестала вызывать какие-либо сомнения. Разумеется, в практике судов США имеются случаи, когда юридическая сила договоров click-wrap не признавалась, однако основанием для принятия таких решений являлось не несоответствие способа заключения договора действующему законодательству, а другие аспекты, не связанные ни с формой, ни со способом заключения договора.

Судебная практика, сложившаяся в странах Европейского Союза, аналогична подходу судов США и определяет заключенные способом click-wrap договоры как те, что имеют юридическую силу. Директива № 2000/31/ЕС «Об электронной коммерции» предусматривает возможность

заклучения договора таким способом [17]. В ней содержатся положения, при соблюдении которых страны ЕС нормативно обеспечивают в национальном законодательстве заключение договора в электронной форме и признают за такими договорами юридическую силу. Иными словами, такие договоры признаются даже в том случае, если они противоречат внутренним положениям законодательных актов, регулирующих порядок заключения договоров.

Уже сегодня договоры, заключаемые способом *click-wrap*, признаются имеющими юридическую силу в таких странах, как Англия, Италия, Франция, Германия и ряде других. В отечественном законодательстве не содержится отдельных норм, регулирующих порядок заключения подобного договора. Таким образом, поскольку отсутствует специальное регулирование, используя такой способ заключения электронного договора, необходимо ссылаться на общие положения договорного права.

В качестве примера спора, возникшего из третейского соглашения, заключенного без подписания договора, способом *click-wrap*, можно привести рассмотренный канадскими судами спор водителя Uber Хеллера и компании Uber относительно третейской оговорки, закрепленной в такого рода соглашении. Истец подал иск о защите группы лиц (*class action*) – водителей компании Uber в канадской провинции Онтарио против компании Uber, требовавшей возмещения убытков в размере 400 миллионов долларов. Исковые требования состояли в следующем: водители Uber являлись сотрудниками Uber (*employees of Uber*), следовательно, их правовой статус определялся Законом провинции Онтарио о стандартах занятости 2000 г. [18]. Хеллер, действуя от имени группы истцов, требовал от суда признать, что Uber нарушает данный закон и что арбитражная оговорка в соглашениях об обслуживании, заключенных между Uber и его водителями («Соглашение об обслуживании» *Service Agreement*), является недействительной и неисполнимой (*void and unenforceable*).

Сервисное соглашение между Uber и его водителями является договором присоединения (*contract of adhesion*). Каждый водитель Uber обязан принять Соглашение об обслуживании при первоначальной подписке на приложение Uber через приложение Uber App. Указанное Соглашение о предоставлении услуг также включает в себя арбитражную оговорку. Арбитражная оговорка предусматривает, что Соглашение об обслуживании регулируется законодательством Нидерландов. Она также предусматривает, что по любому спору, возникающему в связи с Соглашением о предоставлении услуг, должна быть сначала проведена процедура медиации. Если в течение шестидесяти дней после подачи запроса на медиацию спор не был урегулирован, он должен быть разрешен дословно по тексту данного Соглашения: «арбитражем в Амстердаме, Нидерланды» (*by arbitration in Amsterdam, the Netherlands*).

В результате для того, чтобы водитель мог участвовать в процедуре медиации/арбитража, он должен оплатить первоначальные расходы в размере около 14 500 долларов США. Uber подала ходатайство в Верховный суд провинции Онтарио (the Ontario Superior Court), утверждая, что рассмотрение данного группового иска следует отложить (to stay a proceeding) на том основании, что стороны согласились разрешить спор в арбитраже. В соответствии с разделом 7 (1) Акта об арбитраже провинции Онтарио 1991 г. суд должен приостановить производство в случаях, когда стороны согласились передать свой спор в арбитраж. Между тем раздел 7 (2) предусматривает ряд исключений из этого правила, в том числе, когда арбитражное соглашение является «недействительным». Во время слушания о приостановке рассмотрения дела (the stay motion) Хеллер утверждал, что Соглашение об обслуживании было недействительным, потому что требовало, чтобы водители Uber заключили контракт, исключающий использование водителями Uber средств защиты, предусмотренных Законом провинции Онтарио о стандартах занятости 2000 г. Хеллер также утверждал, что арбитражная оговорка была недобросовестной (un-conscionable) для среднего водителя Uber, учитывая расходы в размере 14 500 долларов США, связанные с началом арбитража, и требование, чтобы арбитраж проходил в Амстердаме. И хотя суд по ходатайству о приостановлении рассмотрения спора (motion judge) отклонил доводы Хеллера и приостановил рассмотрение дела в суде, Апелляционный суд провинции Онтарио отменил данное решение.

Приведенный выше пример демонстрирует, что волеизъявление в договорах click-wrap дается автоматически, что ставит под сомнение тождество воли и волеизъявления - очевидно, что человек, намеревающийся работать водителем автомобиля в системе UBER, не предполагал, будучи в здравом уме, разрешать все споры с работодателем в третьей системе, принадлежащей к другой правовой системе на другом конце земного шара.

В связи с применением норм ГК РФ о лице, являющемся собственником новой вещи, ставшей результатом переработки либо адресатом компенсации стоимости материалов (ст. 220 ГК РФ) возникают следующие проблемы: проблема квалификации вещи в качестве новой, проблема существенности превышения стоимости результата переработки над стоимостью материалов и вопрос об изготовлении вещи «для себя». Наконец, проблемным является вопрос о юридическом соотношении переработки и инновации - согласно обычной логике, основанной на здравом смысле, переработка не предполагает создания новой вещи, следовательно, не может относиться к инновационной, однако юридические дефиниции инноваций, инновационной деятельности, закрепленные Федеральным законом «О науке», таковы, что могут быть отождествлены судами и иными правоприменительными органами с переработкой.

Современное правовое регулирование инновационной деятельности характеризуется разнонаправленностью регулирующих актов, терминологической избыточностью - законодатель вводит в правовой оборот все новые термины, близкие по смыслу, но имеющие принципиально различное юридическое содержание.

Обращает на себя внимание, во-первых, количество нормативных актов федерального уровня, регулирующих отношения по созданию, внедрению и стимулированию инновационной деятельности, во-вторых то, что они регулируются ими «попутно» - непосредственным предметом их регулирования являются не инновационная деятельность, а наука в целом, промышленная политика, интеллектуальная собственность и т.д. Весьма показателен перечень федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в области государственной поддержки инноваций, - в него входят практически все федеральные органы исполнительной власти всех уровней [8].

Представляется необходимой ревизия положений действующего законодательства об инновационной деятельности, устранение избыточного правового регулирования.

Ссылки:

1. Бевзенко Р.С. Возникновение права собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество: комментарий к ст. 219 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2019, № 3, с.137-153
2. Ефимцева Т.В. Место инновационного права в системе отраслей российского права: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. М., 2014.
3. Корпоративное право. Учебник / под общ. ред. Р.А.Курбанова. Москва, Проспект, 2020.
4. Курбанов Р.А. Российское предпринимательское право и цифровая экономика // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-predprinimatelskoe-pravo-i-tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 16.06.2020).
5. Налетов К.И. Хозяйственные партнерства и инвестиционные товарищества - новые институты гражданского законодательства // Гражданин и право. М, Новая правовая культура, 2012, № 9, с. 68-83.
6. Постановление Курского УФАС России от 19.01.2017 по делу N 04-02-28-2016.
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.02.2017 N C01-164/2015 по делу N A65-18749/2014.
8. Постановление Правительства РФ от 16.11.2012 N 1172"О полномочиях федеральных органов исполнительной власти в области государственной поддержки инновационной деятельности"// Российская газета, N 268, 21.11.2012.
9. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2012, № 1, с. 216.
10. Ровный В.В. Переработка добросовестная и недобросовестная // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. в честь проф. Б.Л. Хаскельберга / Под ред. Д.О.Тузова.
11. Российская газета, N 220, 30.09.2010.

12. Российская газета, N 268, 21.11.2012.
13. Собрание законодательства РФ, 05.01.2015, N 1 (часть I), ст. 41.
14. СЗ РФ. – 1996. - N 35. - Ст. 4137.
15. Собрание законодательства РФ, 30.07.2007, N 31, ст. 4006.
16. Caspi v. Microsoft Network, L.L.C 732 A.2d 528, 529 (N.J. Super. Ct. App. Div., 1999). - [Электронный ресурс]- URL: <https://www.coursehero.com/file/p67p14o/Caspi-v-Microsoft-Network-LLC-323-NJSuper-118-732-A2d-528-AppDiv-1999-107-108/>.
17. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ("Directive on electronic commerce"). Опубликована в Официальном журнале (далее - ОЖ) N L 178, 17.7.2000, стр. 1–16. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/texnreg/depsanmer/consumer_rights/Documents/Директива%202000%2031%20ЕС%20Об%20электронной%20торговле.pdf.
18. The Employment Standards Act, 2000, S.O. 200, c.41 (the "ESA").

RUSIYA HÜQUQUNDA INNOVATIV FƏALIYYƏTİNİN TƏNZİMLƏNMƏSİNƏ DAİR XÜSUSI HÜQUQ ƏSASLARI

İqor Şuvalov*

Xülasə

Məqalə Rusiya qanunlarında innovativ fəaliyyətin özəl hüquqi tənzimlənməsinin mənbələrinin, məzmununun və perspektivlərinin təhlilinə həsr edilmişdir. İnnovasiya fəaliyyətinin tənzimlənməsində mülki qanunvericiliyin əhəmiyyəti, dövlət, investorlar və innovasiyaların inkişaf etdiriciləri arasındakı münasibətləri tənzimləyən bir vasitə kimi göstərilir. Mürəkkəb bir texnoloji məhsulun istehlak materiallarının bölünməz bir şeyin tərkib hissələri ilə nisbəti, əşyaların emalı qaydalarının (Rusiya Federasiyasının Mülki Məcəlləsinin 220 -ci maddəsi) innovativ fəaliyyətlər üçün əhəmiyyəti haqqında bir -biri ilə əlaqəli suallar kompleksi nəzərdən keçirilir.

Məqalədə innovasiyalarla bağlı qanunvericiliyin sistemi və quruluşuna da diqqət yetirilir. Yenilikçi fəaliyyətin yaradılması, tətbiqi və stimullaşdırılması ilə əlaqədar münasibətləri tənzimləyən çox sayda federal səviyyəli aktlar göstərilir, innovasiya fəaliyyəti isə "yol boyunca" tənzimlənilir - bu cür aktların tənzimlənməsinin birbaşa mövzusu innovasiya fəaliyyəti deyil. , amma bütövlükdə elm, sənaye siyasəti, əqli mülkiyyət və s. Yeniliklərə dövlət dəstəyi sahəsində səlahiyyətləri həyata keçirən federal icra hakimiyyəti orqanlarının siyahısı çox göstəricidir; praktiki olaraq bütün səviyyələrdə bütün federal icra orqanlarını əhatə edir. Bununla əlaqədar olaraq, innovasiya fəaliyyəti ilə bağlı mövcud qanunvericiliyin müddəalarına zəruri yenidən baxılması və həddindən artıq hüquqi tənzimlənmənin aradan qaldırılması barədə nəticə çıxarılıb.

Açar sözlər: yenilik, emal, elm, əqli mülkiyyət, bölünməz şey, mürəkkəb şey

* Hüquq elləri namizədi, "VEB.RF" Dövlət İnkişaf Korporasiyasının sədri

PRIVATE LEGAL FRAMEWORK FOR REGULATING INNOVATIVE ACTIVITIES IN RUSSIAN LAW

Igor Shuvalov*

Abstract

The article is devoted to the analysis of sources, content, prospects of private legal regulation of innovative activity in Russian law. The importance of civil legislation in the regulation of innovation activity as a tool for regulating relations between the state, investors and developers of innovations is shown. A complex of interrelated questions about the ratio of consumables for a complex technological product with the constituent components of an indivisible thing, the significance of the rules on processing things (Article 220 of the Civil Code of the Russian Federation) for innovative activities is considered.

The article also focuses on the system and structure of legislation on innovation. A large number of federal-level acts are pointed out that regulate relations on the creation, implementation and stimulation of innovative activity, while innovation activity is regulated by them «along the way» - the direct subject of regulation of such acts is not innovation activity, but science as a whole, industrial policy, intellectual property, etc. The list of federal executive bodies exercising powers in the field of state support for innovations is very indicative; it includes practically all federal executive bodies of all levels. In this regard, a conclusion was made about the necessary revision of the provisions of the current legislation on innovation activities, and the elimination of excessive legal regulation.

Keywords: *innovation, processing, science, intellectual property, indivisible thing, complex thing.*

* Ph.D, Chairman of the State Development Corporation "VEB.RF"